

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

УДК 101.1

DOI: 10.47928/1726-9946-2023-23-1-86-98

EDN: LJVJNZ

Научная статья

Этнос как субъект истории и мера объективности исторической науки

Х. Г. Тхагапсоев

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова
г. Нальчик, Россия
gapsara@rambler.ru*

Аннотация. Статья посвящена методологическим проблемам, от решения которых зависит соответствие этно-историографии современному уровню науки, ее дальнейшее успешное развитие. Показано, что она придерживается устаревших представлений о структуре, субъектности и роли традиционного общества в историческом процессе; не учитывает новых взглядов философии и теории истории на сущность локальной цивилизации, механизмы ее бытия, ее роль и значимость в исторических процессах. Она не уделяет должного внимания и фактору межэтнических отношений, их конкретных (в частности, локально-цивилизационных) форм в исторических процессах. В итоге этно-историография отражает субъектность этноса в истории лишь частично. Отмечается также противоречивость дискурсов о процессах становления и развития российской цивилизации, игнорирование роли и места этносов в этих процессах и не представленность этнической историографии в самих дискурсах по поводу процессов становления этой цивилизации.

Ключевые слова: этнос, историография, этническая историография, факторы исторического процесса, локальная цивилизация, суб-цивилизация, российская цивилизация

Благодарности: автор выражает благодарность рецензентам за указанные замечания, которые позволили повысить качество статьи.

Для цитирования. Тхагапсоев Х. Г. Этнос как субъект истории и мера объективности исторической науки // Доклады АМАН. 2023. Т. 23, № 1. С. 86–98.

DOI: <https://doi.org/10.47928/1726-9946-2023-23-1-86-98>; EDN: LJVJNZ

© Тхагапсоев Х. Г., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ethnos as a subject of history and a measure of the objectivity of historical science

Khazhismel G. Tkhagapsoev

Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Nalchik, Russia
gapsara@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to methodological problems, the solution of which determines the correspondence of ethno-historiography to the modern level of science, its further successful development. It is shown that she adheres to outdated views on the structure, subjectivity and role of traditional society in the historical process; does not take into account the new views of philosophy and the theory of history on the essence of local civilization, the mechanisms of its existence, its role and significance in historical processes. It does not pay due attention to the factor of interethnic relations and their specific (in particular, local civilizational) forms in historical processes. As a result, ethnohistoriography reflects the subjectivity of the ethnos in history only partially. It is also noted that discourses about the processes of formation and development of Russian civilization are contradictory, while ignoring the role and place of ethnic groups in these issues and the lack of representation of ethnic historiography in the discourses themselves about the processes of formation of this civilization.

Keywords: ethnos, historiography, ethnic historiography, historical process factors, local civilization, sub-civilization, Russian civilization

Acknowledgments: the author are thankful to the anonymous reviewer for his valuable remarks.

For citation. *Tkhagapsoev Kh. G.* Ethnos as a subject of history and a measure of the objectivity of historical science. *Adyghe Int. Sci. J.* 2023. Vol. 23, No. 1. P. 86–98.

DOI: <https://doi.org/10.47928/1726-9946-2023-23-1-86-98>; EDN: LJVJNZ

© Tkhagapsoev Kh. G., 2023

К постановке проблемы

Если учитывать, что уже фольклор претендует на роль повествования и свидетельства о «древней старине» (ижь-ижьыж ипэклэ), как начинаются аутентичные тексты наших сказаний, историография являет собой самую первую форму попыток человека строить знания о мире, времени и о себе, т.е. науку. И история науки признает, что она (наука) начинается с рождения математики, географии, астрономии и истории. Но поскольку интерес к математике и астрономии, да и к географии тоже, носит явно избирательный характер, историография всегда была и остается единственным предметом всеобщего внимания социума. И уж совсем по-особенному, ревностно и с трепетом относятся к истории малые сообщества, этносы, прежде всего. Надо признать, и сама историческая наука добилась многого в своем развитии и развитии своих средств познания, которые ныне включают даже методы точных наук – химический и радиоуглеродный анализ артефактов археологии и археологических слоев, методы генетической науки, антропологическую реконструкцию и многое другое (хотя историографию нередко по раз-

ным поводам и причинам упрекают в необъективности, в неточности, ангажированности, прислужничестве политике и идеологии).

Ко всему этому следует добавить, что сложились масштабные учения о самой истории и ее сущности (теория истории), о ее методах и стратегии познания, методология истории [1]. Что есть история? Присущи ли истории закономерности? В чем ценность знания о прошлом для человека, общества? Кем и каким останется в истории тот или иной ее субъект? Таковы вопросы, которыми задается теория и методология истории.

Впрочем, ответы на эти вопросы искали еще Платон и Аристотель, а великий Геродот создал первые образцы системной историографии и оставил потомкам множество исторических фактов и свидетельств, которые и в наши дни сохраняют значимость для историографии кавказских этносов, тесно соприкасавшихся с древнегреческой цивилизацией. Уже эти обстоятельства определяют особую роль истории в этнологии, системе этнологических наук. Историография и составляет ядро и базовую основу этнологии, ориентир ее методологических эталонов. Но здесь и начинаются проблемы.

Мы уже подчеркивали невнимание нашей этнической историографии к современным концептуальным и методологическим идеям исторической науки, в частности: к теории макро-парадигм истории; к новым трактовкам сущности и форм локальных цивилизации и механизмов, их субъектности в исторических процессах; да и к роли фактора культурно-информационных и культурно-коммуникативных процессов в общей системе детерминантов исторического процесса [2]–[4]. А в итоге этническая историография пока, если не целиком, то во многом остается на историко-материалистических идеях и позициях советской поры, для которых все, что не вписывается в формации по Марксу и в их череду, есть «архаизм», «отсталость», «рудимент».

Между тем, современная историческая наука, не отрицая некоторой значимости марксизма, развивает целый ряд иных теорий исторического процесса: цивилизационный подход, нео-эволюционизм, мир – системный анализ, теория модернизаций, макро-социологическая теория [5]. Ко всему этому надо добавить еще одно обстоятельство, ныне мир переживает конфликт цивилизаций в духе идей Хантингтона [6], что ставит на повестку дня вопросы связей и отношений цивилизаций и этносов (которые с позиции марксизма, напомним, являют собой лишь рудимент истории, но не субъект, тем более не творец цивилизационного процесса). Российская философия и сама преодолевает издержки марксизма и с ее позиции особенно заметно отставание методологии этно-историографии от общей поступи науки.

Однако хотел бы здесь быть точным и верно понятым, никто не отрицает роли материально-производственных факторов в истории. Речь идет о другом, о догме будто существует лишь один маршрут истории, коему все субъекты (этнос тоже) должны следовать. А маршрут такой: от первобытного родоплеменного уклада к рабовладению, затем к феодализму, капитализму и, в конечном итоге, к коммунизму. Если кто-то не следует этой схеме и не вписывается в нее, он «отсталый, архаичный, рудиментарный».

Да, у этой схемы есть некоторая корреляция с ходом европейской истории. Однако существует множество поводов не абсолютизировать ее. Во-первых, в чистом виде эта схема нигде (в истории какого-то народа) не реализовалась, уже потому, что многие народы, к счастью, не проходили через рабство. Не известны также и случаи массового перехода феодализма в капитализм, а уж капитализм, как видим, нигде не спешит в коммунизм. Вызывает вопросы и другая догма марксизма классовая борьба, что якобы является чуть ли ни единственной движущей силой истории и ее процессов. Ведь процессы истории крайне сложны, здесь действуют сонмы факторов, интересов, целей, и

субъектов (наряду с классами). Да и классы носят историчный, преходящий характер, их роль и активность были заметны и значимы разве что на начальных этапах становления индустриального общества. Но творцы исторического материализма были люди больших талантов и недюжинного ума, они метко подмечали «что надо», но многое не замечали вовсе, если это не вписывается в их теорию. Так, в той же Европе лидерский капитализм родился вовсе не на баррикадах воспетой марксизмом Великой французской революции, а в тихой и провинциальной Голландии. Да и восхождение буржуазии, а затем и власть пролетариата в ходе революции масс случились не в рамках «правильной» истории Европы, а в недрах «азиатского способа производства отсталой России», что явно идет вразрез с представлениями марксизма о «единственно верном пути» развития истории. Таких примеров много. Но это отдельная проблема. Мы хотим лишь заметить, исторический материализм не вяжется с реальностями истории, а с историей этноса несовместим вообще, ведь им в этносе видится архаика, а не субъект истории.

Вот здесь мы подошли к ключевому моменту дискурса. Дело в том, что мировая историография и философия истории стоят на принципиально иных позициях, на позициях вариативности и множественности путей истории. И рубежные этапы истории здесь видятся совсем иначе, выделяют всего лишь три ступени исторического развития, за которыми стоят три крупных типа общества: традиционное, «индустриальное» и «постиндустриальное». И, что особенно важно, традиционное общество в современной исторической науке понимают гораздо шире, чем в нашей этнологии, оно включает не только первобытные племена и до классовые общества (как полагают этнические историографии), но также древние цивилизации (ту же Египетскую, Шумеро-Вавилонскую и др.) и даже средневековые государства, уже имеющие свои институты развития: церковь, механизмы власти, университеты, рыцарскую культуру. Иначе говоря, под традиционным обществом здесь видят уклады бытия аграрного типа, базирующиеся на традициях, не только общинные или родоплеменные, но и довольно дифференцированные. Так и просится: «Это же о бытии кавказских этносов!». Да, в самобытном историческом развитии эти этносы не достигли уровня машинного производства и индустриального общества (да и российское общество находилось лишь на подступах к тому укладу, что может называться индустриальным). Но очевидно и другое, соответствие бытия кавказских этносов уже к 18-19 векам тому типу традиционного общества, что видится и описывается в мировой исторической науке, т.е. включает в свой состав не только первобытные племена и этносы, но и локальные (суб-локальные) цивилизации (наподобие древних и средневековых). Это обстоятельство, казалось бы, должно стать ориентиром и исходным моментом этнической историографии (к чему мы еще не раз вернемся). Впрочем, мы эту проблему уже поднимали, делая упор на наличие у кавказского этнического сообщества всех признаков локальной цивилизации [2, с. 95]. Этот вопрос, скажем прямо, просто взывает к этно-историографии. Дело в том, что от того, вышли наши этносы в развитии на уровень локальной, суб-локальной цивилизации или каждый этнос так и «прошествовал» в истории в роли «одинокоего всадника» (как полагают наши историки, что едва ли возможно в горниле исторических перипетий Кавказа), будет зависеть все – исторический портрет Кавказа и его этносов. От этого будет зависеть также роль и место кавказских этносов в истории России, в истории российской цивилизации.

Вот здесь впору обратиться к теории и методологии исторической науки, к ее принципам и положениям, а в этом контексте – и к противоречивости понимания этноса как субъекта исторического процесса. Начнем с факторов, которые якобы определяют и детерминируют исторический процесс.

К факторам детерминации исторического процесса

Круг этих факторов обширен, от природно-климатических (экосферных) и демографических до социально-психологических и роли отдельной личности. Но их большая часть сама исторична по своей природе, т.е. складывалась и в ходе истории (как конфессиональный фактор, политическая система и т.д.). И еще, поскольку социальные науки зарождались в Европе, они так или иначе «заточены» на то, чтобы подмечать, видеть, выражать и описывать то, что присуще Европе, характерно для нее. Философия и методология науки давно указывают на этот феномен, именуя его «европо-центризмом» науки. Иначе говоря, все не характерное для Европы в науке видится как отсталость, рудимент, что, проникло и в марксизм, в его воззрения на историю.

Между тем, историография, зародившись некогда как предания о подвигах предков и народных героях, со временем превратилась в летопись деяний правителей, а затем, и в толкование историй государств и народов в духе европейского понимания. А в Европе, с ее бесконечными войнами всех против всех: между народами, между правителями, между государствами, между церквями уже в пору Карла Великого не осталось отдельных самоуправляемых этносов, тем более этнических сообществ, не охваченных рамками некоего государства (в отличие от Кавказа, где этносы и их сообщества сохранялись в своей самобытности до 19 века). Надо учитывать еще одно значимое обстоятельство, Европа в ходе колонизации сталкивалась главным образом с древними обществами уровня родоплеменного уклада (наподобие ирокезов в Америке, у которых еще доминировал материнский род или с племенами предводимыми вождями, как в Полинезии, Австралии и Африке). Между тем, европейские путешественники веками подчеркивали высокий уровень социального порядка и хозяйственной культуры этносов Кавказа, хотя не очень вникали в суть их социальной, цивилизационной и культурной организации, в формы их самоуправления, высокомерно именуя все это «здесьние племена». Те времена, казалось бы, канули в лету. Но, как это ни странно, высокомерие по отношению к этносу все еще живо. И не где-нибудь, а в самой науке. В ее воззрениях на этнос и его сущность многое снижает статус этноса в историко-цивилизационных процессах. Уже сам термин «этнос» (ethnos), к которому мы так привыкли, неоднозначен. Он родом из греческого языка, размыт изначально, поскольку имеет множество смыслов: народ, племя, род и даже «стадо», и «толпа», что создает большой спектр толкований по поводу места этноса на шкале социо-исторического развития, его значимости как субъекта истории, историко-цивилизационных процессов. Этнос видится скорее, как носитель некоей историчной формы культуры, нежели творец современной истории, субъект геополитики и «конфликта цивилизаций» [7], [8], что в сути не отличается от былой советской позиции видеть в этносах «отсталые народы» [9]. В итоге получается так: наши историки с почтением говорят «этнос, этносы», мы это впитываем и повторяем с пиететом. Но наука видит этнос не как субъект геополитики и конфликта цивилизаций, а как «осколок из прошлого», предмет этнографии, культурной антропологии, этно-культурологии. Да, об этом громко говорить не принято, однако хватает текстов, где это явно проступает. А в советскую пору и самые академичные издания по истории Кавказа так и трактовали этносы как «отсталые окраинные народы» [10]. В свете этих обстоятельств характер, а точнее, полнота субъектности этноса в историографии становится мерой ее объективности, что относится, прежде всего, к этнической историографии. Ведь понятно, что роль и место каждого социума в истории, в историческом творчестве и цивилизационной картине мира определяется и должно определяться не догмами науки (они не вечны), а характером пройденного им исторического пути, его зримыми итогами. Именно

по этой причине национальные школы истории, как правило, не замыкаются в рамки универсальных (типичных) факторов исторического процесса, ищут и разрабатывают специфичные факторы, которые, как они полагают, сыграли особую роль в их истории, определив уникальность пройденного исторического пути и уникальность его итогов. В этом плане характерна практика российских историков, которые полагают, что историю России определяли не только и не столько универсальные факторы, сколько уникальные, присущие лишь России, процессы и механизмы ее развития. В их числе:

- удаленность от древних центров цивилизации;
- роль Хазарского каганата;
- влияние Византийской империи;
- открытость границ государства и как следствие – внешняя опасность (и внешние враждебные силы) как постоянная угроза внутренним процессам;
- постоянное стремление Руси - России к естественным границам;
- полиэтнический состав формирующегося государства;
- предопределенность экстенсивного развития страны природно-климатическими условиями ее существования;
- отсутствие высокопродуктивных земель;
- короткий цикл сельскохозяйственных работ;
- спасительная роль общины.

Как видим, список особых факторов куда обширнее, чем круг факторов универсального плана, к коим относимы разве что природно-экологический, экономико-технологический, культурно-психологический. Такой подход должен быть и к каждому этносу. Именно нетипичный фактор может стать решающим в его истории, судьбе, что не учитывается в этно-историографии.

Между тем, не типичные (не универсальные) факторы занимают далеко не последнюю роль в истории той же Европы, которая исповедует универсализм исторических процессов. Так, в числе факторов истории Европы особая роль принадлежит религиозной реформации с ее несчетными конфликтами и войнами, что едва ли встретишь где-либо в истории и судьбах других народов. Надо добавить еще один фактор, который нередко оказывается «виновником» необычного хода истории или развития того или иного социума. Речь идет о факторах случайного порядка.

«Нетипичный» фактор в исторических процессах

Понятно, что факторы, влияющие на ход истории этноса и процессов его развития, могут быть самыми различными, начиная с тех же природно-географических и климатических условий обитания. Порой именно они становятся решающими в историческом развитии социума, если он обитает в пустынях, африканских джунглях, условиях высокогорья, вечной мерзлоты (заполярья, севера Сибири). Ведь подобные условия обитания, хотя и сводят к минимуму внешние угрозы, сводят к минимуму и внешние контакты, т.е. диффузию культур, замыкая социум на выработку «культуры выживания». Но и благоприятные природно-климатические условия могут не спасти этнос, если культурные «вторжения» становятся частыми и напористыми, как это имело место в условиях «кавказского коридора». Как видим, облик и суть нетипичного фактора в истории весьма многообразен.

Так, любой, кто в какой-то мере знаком с историей Европы, вероятно, слышал и знает имя Карла Великого, которого именуют и «отцом» Европы, и основателем великой империи Каролингов, да и спасителем Европы, вновь объединившим ее после падения Римской империи. Между тем были и есть историки, склонные полагать, что за его дея-

ниями по «преобразованию политической карты» Европы стоит удачная случайность. О чем идет речь? Именно в 8-9 веках, в пору свершений Карла Великого в Европе узнали (открыли), такую малую деталь седельного снаряжения всадника (конника), как металлическое стремя (что на Востоке, в Китае было известно еще на заре нашей эры). Карл Великий, в котором церковь видела своего главного защитника и его воинство могли монополизировать любую технологию той поры, если это давало им преимущество в борьбе с «врагами церкви». Стремя давало возможность оснащать конницу тяжелым вооружением, перед которой были бессильны все прочие формы вооружения той поры.

Сегодня в спросе другие военные технологии: космические спутники разведки, ударная беспилотная авиация, средства радиоэлектронной борьбы. Но были времена, когда «стремя рожало империи». История знает и куда более курьезные факты, повлиявшие на ее ход. Так, навигационная ошибка Колумба, который искал морской торговый путь в Индию, привела к открытию нового континента (Америки), что превратило ничем особенно не примечательную провинциальную страну на юге Европы, Португалию в первую мировую колониальную державу. Известен столь же неожиданный взлет и другой скромной европейской страны, Голландии (Нидерландов), в которой также решающую роль сыграла удачная случайность. Какая?

Как известно, человек веками страдал от отсутствия удобных и мощных источников энергии. Ему была доступна лишь сила собственных мускулов да мускульная энергия животных (лошадей, мул, волов, слона, верблюда) да плюс еще энергия ветра и потоков воды в скромных количествах. Так продолжалось до 19 века – до появления парового, следом электрического, а позже и двигателя внутреннего сгорания. На этом фоне всеобщей нехватки энергии вдруг возникло «Голландское экономическое чудо 17в.». Что это за чудо? Как утверждает история развития техники, в конце 16 в. голландские мастера ветряных двигателей удачно изменили конструкцию их основной детали, зубчатых колес из твердых пород древесины, что привело к кратному росту скорости их вращения при одной и той же скорости и мощности ветра. В итоге небольшое «ноу-хау» ремесленных мастеров (за которым не стояла наука, поскольку в ту пору европейская наука пока еще лишь пускала корни в ее будущих форпостах в Париже и Лондоне), обеспечило относительное обилие энергии в Голландии, превратив ее в лидера Европы в ткацком производстве и в кораблестроении, которое опиралось на «техническое чудо» той поры, на механическую пилораму с приводом от ветряка. В итоге маленькая тихая Голландия (Нидерланды) предстала миру в роли лидера капитализма, мануфактурной сферы, мирового торгового флота. Как видим, в истории необычные факторы могут иметь уникальные последствия.

Здесь впору обратиться к идеям известного авторитета исторической науки А. Тойнби. Как он полагает, история не вершится по общим лекалам, схемам и канонам, а что касается цивилизаций, каждая из них уникальна и возникает как ответ некоего социума на необычные вызовы – внешние, внутренние [11]. А вызовы просто не ведают законов (они случайны по сути, значит всегда) и бывают самые различные угрозы и опасность от близости воинственных соседей, нехватки географического пространства, скудости и бедности природных ресурсов в пространстве обитания социума. Это может быть и вызов изменчивости внешнего окружения и культурных контактов, как это имело место в ареале «кавказского коридора». И здесь впору вернуться вновь к кавказской локальной цивилизации, к ее истокам и особенностям.

Очевидно, что наши этносы, которые веками жили на Кавказе в условиях одного из самых оживленных в мире путей перемещений, столкновений и смешений разных наро-

дов, языков, культур и цивилизаций, порой теряя даже признаки автохтонности, постоянно испытывали опасность исчезновения. Таков был вызов, перед которым стояли наши предки. Этот вызов требовал ответа, выработки таких стратегий общности, общения и существования, которые обеспечивали бы этносам возможность и способность сохраняться и сохранять главное в своем культурном бытии, своей идентичности. Лишь такой ответ и способен обеспечить своим субъектам выживаемость в бурях и вихрях кавказского коридора, что едва ли под силу одинокому этносу.

Вот здесь впору обратиться и к тем идеям А. Тойнби, которые почему-то не замечаются. Он ведь полагает, что характер ответа на вызов, приведший к появлению той или иной цивилизации, закреплён в системе ценностей этой цивилизации. А в мире кавказских культур особо ценимы активность, открытость и радушие коммуникации. Именно открытая, насыщенная понятными всем и каждому церемониями (приветствиями, музыкой, танцами, застольем) коммуникация стала «визиткой» кавказской цивилизации. И она строится именно как демонстрация эмпатии к гостю (кем может быть любой - и свой, и чужой, если он не несет угрозы, опасности). И строится она на основе целого спектра субъектно-ролевых, этикетно-сценарных амплуа участников действия (старших, младших, мужчин, женщин, гостя, хозяев, родных, близких). Но это лишь внешняя сторона коммуникации. За ней стоит особая технология культуры и опыт этносов, прошедших за века через самые разные формы культурного бытия (в контактах с Хеттским государством, Колхидой, Аланией, Аварским ханством, Русью, Тарковским шамхальством, Абхазским царством, Кабардой) и через постоянные опасные угрозы своему существованию. Да, это не технология машин, что видно и понятно каждому. Но это информационная технология, которая обеспечивает высокий уровень сохранности культуры и ее смыслового мира (традиций, ритуалов, фольклора, музыки, танцев, этики, этикета, пословиц и т.д.). И действует она особым образом, как распределенное по субъектам (старшие, младшие, женщины, мужчины, хозяин, гость, друг) хранение культурной информации и ее постоянная активация (т.е. публичный показ смыслов, форм и норм культуры по любому поводу). Заметим, и современная умная теория информации не нашла других вариантов длительного хранения информации, кроме технологии «распределенного хранения». Разумеется, это не значит, что кавказские этносы были пионерами в осознании информации и способов ее хранения, что было бы совсем неплохо. Речь идет лишь о находках культуры методом проб и ошибок, которые в отсутствие письменности и образования веками обеспечивали, сохранность и идентичность культурного сознания каждого этноса, а также сохранность духа, форм, норм, принципов и смыслов его культуры (невзирая, напомним еще раз, на постоянное опасное давление условий существования в пространстве «кавказского коридора»). Описанная здесь кратко (но известная широко) культура коммуникации особо уникальна тем, что стала основой взаимной притирки и сближения десятков этносов, их культур, в итоге, основой локально-цивилизационной общности этих этносов и поводом наречь кавказскую цивилизацию «лектонической» [2, с. 95], а этносы Кавказа относить к небольшому кругу субъектов истории, сумевших создать свой локально-цивилизационный уклад.

К роли и месту этносов в российской цивилизации: верить фактам или следовать догмам? Последние пять-шесть веков наши этносы соприкасались и сближались с Русью, Россией (порой – противоречиво, с конфликтами, откатами), а с 19 века интегрируются в нее во всех формах и измерениях бытия, экономических, политических, социально-культурных, вплоть до формирования «советского народа», якобы лишённого, как считалось тогда, этнических измерений и цивилизационной вариативности. Но

90-е годы показали, что этнос никуда не делся, более того, он предъявляет свой счет истории. И, увы, по сей день на бывших просторах СССР не угасают этнические обиды и межэтнические конфликты, которые на Украине обрели особые формы и особый масштаб. Но исторический процесс идет своим чередом (как и историческая наука), Россия видит себя в процессах и на марше становления одной из мировых цивилизаций. В этом контексте встает вопрос о роли и месте этносов в этой цивилизации, в ее структуре и процессах становления. Поясним сразу, ныне российское государство скорее лишь по имени является федерацией этносов, а по факту в нем обитает полиэтническая гражданско-политическая нация россиян, имеющих равную во всем субъектность в цивилизационном бытии. Ведь в институтах развития российской культуры и цивилизации (НИИ, вузах, в искусстве, литературе, театрах, в массмедиа, структурах политики, управления и гражданского общества) представлены практически все этносы, а в роли лидерских носителей и выразителей вершин русской культуры, российской цивилизации успешно выступают выходцы из разных этносов (В. Гергиев, Ю. Темирканов). Так что речь идет об истории (ретроспекции) субъектности этносов в становлении и развитии российской цивилизации. Понятно, что данный вопрос, к российской историографии, но, прежде всего, он адресуется именно этно-историографии, которая с завидным упорством сводит все многообразие и всю палитру истории к политической (социально-политической) истории. К тому же, рассматривает историю каждого этноса в отдельно взятом виде, как «путь одинокого всадника». Это можно было еще как-то понять и даже принять в советское время, в ту пору других форматов истории и не было (не практиковалось). Но теперь ситуация принципиально иная историческая наука в России развивается во всех форматах, и в формате истории цивилизаций. Но есть ли в ней место этносам? И какое оно?

И здесь впору еще раз обратиться к взглядам на этнос. Что такое этнос? Ответов, восходящих к различным концепциям этноса (примордиализма, конструктивизма, натурализма) много, что известно этнологам и историкам. Но с позиции философии этнос — это определенная, далеко не высшая стадия (ступень) развития социума. А что такое цивилизация? У нее также много определений, до весьма абстрактных, «форма общности землян» или «высшая форма движения материи». Но чаще всего ее трактуют (Хантингтон тоже) как высшую форму культурной общности группы социумов «с собственными историями», что, предполагает полиэтничную сущность и надэтнический характер цивилизации. И еще, цивилизации имеют свою структуру и в качестве структурных элементов выступают суб-цивилизации (локальные цивилизации разной масштабности), но не этносы. Западная цивилизация, например, включает в себя две суб-цивилизации: европейскую и североамериканскую. Европейская, в свою очередь, состоит из ряда суб-цивилизаций: романской, германской, саксонской. Что касается исламской цивилизации, она подразделяется на огромный спектр суб-цивилизаций: арабскую, малайскую, иранскую, тюркскую и др. А как же видится структура российской цивилизации, из каких элементов состоит и есть ли там этносы?

Вот здесь мы и подходим к самому главному. Дело в том, что российские историки своеобразно видят и трактуют суб-цивилизационную структуру российской (русской) цивилизации. В частности, в роли таковых указывают Киевскую Русь, Литовскую (Балтскую) Русь, Московскую Русь, Имперскую Русь (от Ивана Грозного до 1917 г.), СССР и постсоветскую Россию [12]. Но при этом нет упоминаний о суб-цивилизациях тюркомонгольского, финно-угорского и кавказского культурных миров. Не странно ли? Ведь Киевская Русь, Московская или Имперская Русь (берущая начало от Ивана Грозного), казалось бы, являются собой лишь этапы, стадии и периоды формирования русской (точнее

российской) цивилизации. К тому же, эта цивилизация складывалась и существует главным образом на тех территориях, на которых до прихода русского этноса веками жили, творя свои культуры, свои локальные (суб-локальные) цивилизационные уклады и ипостаси культурного бытия десятки и сотни народов и этносов (те же тюрко-монгольские, финно-угорские, кавказские и др.). И если в этой ситуации принять указанный выше состав элементов российской цивилизации, получается странная картина – будто в пространстве русской по истокам (корням), по истории и по суб-цивилизационному составу цивилизации обитали и обитают десятки и сотни этносов, т.е. социумов «не дотягивающих до цивилизованности, до уровня субъектности в строительстве цивилизации», никак не влияя на нее.

Понятно, что подобные трактовки российской цивилизации, ее истории дают повод к вопросам, огорчению, к возражениям. Но не все так просто.

И здесь впору вновь обратиться к взглядам науки по поводу отношений «этнос-нация-цивилизация». В трактовках англо-американской научной традиции нация понимается как согражданство или ассоциация граждан (в духе идей Локка и Руссо), она же видится и в роли творца цивилизации. Этнос здесь не творец цивилизации, он лишь «осколок древности», носитель некоей культуры с особенной идентичностью [13]. В европейских же теориях, восходящих к Гегелю, в нации видят именно высший тип развития этноса, что вошло и в политическую мысль России в 19 в. Это вошло также в марксизм и в советскую научную культуру и, увы, по сей день остается ориентиром этнической историографии. Она вообще не соотносит этнос с цивилизациями и локально-цивилизационными процессами, хотя принятые в современной науке трактовки сути локальных цивилизаций, механизмов их генезиса и форм их субъектности (скажем, в концепциях макро-парадигм истории) открывает путь к этому. И как же в такой ситуации не задаться вопросом: «Можно ли считать, что наша историография в целом и этно-историография, в частности, объективно отражают субъектность этноса в истории – в региональных историях, в российской истории?». Да и не идут ли наши уважаемые историки вразрез с наличными фактами и реальностями?

А реальность такова, существование ряда суб-цивилизаций (суб-локальных цивилизаций) не русских корней, повлиявших на российскую цивилизацию и процессы ее становления налицо. Достаточно обратиться к «тюркизмам» в русской лексике, чтобы увидеть и почувствовать обилие, дух, краски и звуки тюркского суб-цивилизационного компонента и его влияния на российскую цивилизацию, русскую культуру. А что касается Кавказа, Европе и не снился столь высокий уровень общности культур, как у кавказских этносов (различающихся по генетическим корням и траекториям социо-генеза). А ведь именно общность культур некоего множества социумов с собственными историями и считается решающим признаком локальной цивилизации в современной науке. Правда, кавказская суб-цивилизация не повлияла на русскую лексику. Но ее влияние на российскую историю и цивилизацию проявилось в иных формах, в особенностях рождения имперской Руси при Иване Грозном, в свершениях и судьбах плеяды Черкасских в русской истории; в истории развития русской боевой конницы (от ливонской войны до «дикой дивизии»), изгнании поляков из России «в смутное время» в процессах нескончаемых конфликтов, противостояния и борьбы России на протяжении веков с Османской империей и ее вассалом Крымским ханством, в традициях и культуре личной гвардии русских царей [14], [15]. А с 19 века влияние кавказской суб-цивилизации на российскую культуру (скажем, литературу, музыку) выразили своим творчеством самые гениальные и известные творцы этой цивилизации: А. Пушкин, М. Лермонтов, Л. Толстой, М. Балакирев и др. Это

хорошо известные факты.

Вероятно, продвижение рядом авторов концепции «Россия как государство-цивилизация» [16], полагающая, что государство и есть механизм творения российской цивилизации (оно мол стягивает этносы, выравнивает их уровни, интегрирует в цивилизацию) можно понимать и как некую реакцию на явную неубедительность описанной в выше структуры российской цивилизации, ее несоответствие фактам. Да, среди многочисленных этносов России есть и такие, к оторые в своей истории не вышли на над-этнические формы общности, для них российское государство и стало «историческим лифтом», поднявшим их до уровня российского социокультурного бытия. Но это не про кавказские этносы, что корнями уходят в древность тысячелетних глубин, числятся в ряду перво-создателей металлургии железа и относятся к творцам Майкопской и Кобанской археологических культур. Они прошли сложный и трудный исторический путь и как его итог создали мягкую, открытую, гибкую, а в итоге на редкость живучую и адаптивную форму совместности социумов, различающихся даже генно-компонентными и этнокультурными корнями локальную цивилизацию лектонического типа. Обязанность нашей исторической науки и этнологии сделать все, чтобы этот факт нашел отражение в истории наших этносов, в истории России, истории российской цивилизации и российского культурного мира. Но это и вопрос методологического и теоретико-концептуального уровня нашей этнологии и этно-историографии, в отношении которых, увы, не впервые высказываю озабоченность, в попытках привлечь внимание коллег к идеям, принципам и подходам современной научно-философской методологии, способным открыть новые горизонты видения перед этнологической наукой [17]-[20].

Список использованных источников

1. *Смоленский И. И.* Теория и методология истории. М., издательский центр «Академия», 2012, 272 с.
2. *Тхагапсоев Х. Г.* Этикет, этика или локальная цивилизация? – к сущностному типу и имени традиционного социокультурного бытия адыгов/кавказцев // Доклады АМАН. 2022. Т. 22, № 2. С. 89–100. DOI: <https://doi.org/10.47928/1726-9946-2022-22-2-89-100>
3. *Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н.* Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. Выпуск 2. М.: «Наука», 1972. С. 8–30.
4. *Тхагапсоев Х. Г.* Коммуникативные особенности бесписьменных культур // Научная мысль Кавказа. 2000. № 2. С. 46–54.
5. *Розов Н. С.* Философия и теория истории. М., изд. «Академия», 2018. 470 с.
6. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., изд. «АСТ», 2003. С. 603
7. *Липкин А. И.* Понятия «этнос», «народ», «нация»-культурологический взгляд // Ресурс <https://mipt.ru/education/ethnos.php>
8. *Тшиков В. А.* Реквием по этносу. М., «Наука», 2021. 543 с.
9. *Филлипов В. Р.* Советская теория этноса. М., изд. ИАРАН, 2010. 185 с.
10. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца 18 в. (под редакцией Пиотровского Б.Б.). М., изд. «Наука», 1988. 549 с.
11. *Тойнби А.* Исследование истории: возникновение, рост и распад цивилизаций. М., изд. «АСТ», 2009. 670 с.
12. *Моисеева Л. А.* История цивилизаций. Ростов/на Дону, «Феникс», 2000. 300 с.
13. *Тхагапсоев Х. Г. Гатиатулина Э.* Идентичность: к проблемам методологии // Научная мысль Кавказа. 2010. № 4 (64). С. 16–23.

14. *Сокуров В. Н.* Черкесский кондотьер Ивана Грозного //Родина, 2011, № 11. С. 55–59.
15. *Мирзоев А. С.* Институт выезда на службу и военное отходничество как часть культуры черкесов// Кавказология. 2021, №1, С. 26–66.
16. *Лубский А. В.* Государство-цивилизация и национально-цивилизационная идентичность России // Гуманитарий Юга России. 2015, № 2. С. 30–45.
17. *Сапунюв М. Б. Тхагапсоев Х. Г.* Культура критического дискурса в высшем образовании и науке // Высшее образование в России. 2018, № 7. С. 20–27.
18. *Тхагапсоев Х. Г.* Этно-этатизм как инобытие российского федерализма // Научная мысль Кавказа, 2002, № 3. С. 9–17.
19. *Барков Ф. А., Тхагапсоев Х. Г., Черноус В. В.* Этносы в глобальном мире. Ростов-на-Дону, ЮФУ, 2009. 162 с.
20. *Тхагапсоев Х. Г.* Кавказская культура: особенности генезиса и тенденции развития. СПб, изд. «Астерион», 2008. 222 с.

Поступила 08.02.2023; одобрена после рецензирования 16.02.2023; принята к публикации 20.02.2023.

Об авторе:

Тхагапсоев Хажисмель Гисович, доктор философских наук, профессор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова (360004, Кабардино-Балкарская Республика г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173), ORCID 0000-0001-5778-5265, SPIN-код 9020-2220, gapsara@rambler.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

References

1. *Smolensky I. I.* Teoriya i metodologiya istorii.[Theory and methodology of history]. M., publishing center «Academy», 2012. 272 p.
2. *Tkhagapsoev Kh. G.* Etiquette, ethics or local civilization? – to the essence and name of the traditional socio-cultural life of the Circassians/Caucasians. Adyghe Int. Sci. J. 2022. Vol. 22, No. 2. P. 89–100. DOI: <https://doi.org/10.47928/1726-9946-2022-22-2-89-100>
3. *Arutyunov S. A., Cheboksarov N. N.* Peredacha informatsii kak mekhanizm sushchestvovaniya etno-sotsial'nykh i biologicheskikh grupp chelovechestva [Information transfer as a mechanism for the existence of ethno-social and biological groups of mankind]. Races and peoples. Issue 2. M., «Nauka», 1972. P. 8–30.
4. *Tkhagapsoev Kh. G.* Kommunikativnyye osobennosti bespis'mennykh kul'tur [Communicative features of non-literate cultures]. Scientific thought of the Caucasus. 2000. No. 2. P. 46–54.
5. *Rozov N. S.* Filosofiya i teoriya istorii. [Philosophy and theory of history]. M., ed. «Academy». 2018. 470 p.
6. *Huntington S.* Stolknoveniye tsivilizatsiy [Clash of Civilizations]. M., ed. «AST». 2003. 603 p.
7. *Lipkin A. I.* Ponyatiya «ethnos», «narod», «natsiya»-kul'turotsentricheskiy vzglyad [The concepts of «ethnos», «people», «nation» – a culture-centric view]. Resource <https://mipt.ru/education/ethnos.php>
8. *Tishkov V. A.* Rekvijem po etnosu. [Requiem for the ethnos]. M., «Nauka». 2021. 543 p.
9. *Filipov V. R.* Sovetskaya teoriya etnosa [Soviet theory of ethnos]. M., ed. IARAN, 2010. 185 p.
10. *Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevneyshikh vremen do kontsa 18 v.(pod redaktsiyey Piotrovskogo B.B.)* [History of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the 18th century (edited by Piotrovsky B.B.)], M., ed. «Science». 1988. 549 p.
11. *Toynbee A.* Issledovaniye istorii: vzniknoveniye, rost i raspad tsivilizatsiy. [Research of history: the emergence, growth and decay of civilizations]. M., ed. «AST». 2009. 670 p.

12. *Moiseeva L. A.* Istoriya tsivilizatsiy.. [History of civilizations]. Rostov/on Don, «Phoenix». 2000. 300 p.
13. *Tkhagapsoev Kh.G. Gatiatulina E.* Identichnost': k problemam metodologii [Identity: to the problems of methodology]. Scientific Thought of the Caucasus. 2010. No. 4 (64). Pp. 16–23.
14. *Sokurov V. N.* Cherkesskiy kondot'yer Ivana Groznogo [Circassian condottiere of Ivan the Terrible]. Motherland, 2011, No. 11. Pp. 55–59.
15. *Mirzoev A. S.* Institut vyezda na sluzhbu i voyennoye otkhodnichestvo kak chast' kul'tury cherkesov [The institution of departure for service and military otkhodnichestvo as part of the culture of the Circassians]. Kavkazologiya. 2021. No. 1. Pp. 26–66.
16. *Lubsky A. V.* Gosudarstvo-tsivilizatsiya i natsional'no-tsivilizatsionnaya identichnost' Rossii [State-civilization and national-civilizational identity of Russia]. Humanist of the South of Russia. 2015. No. 2. Pp. 30–45.
17. *Sapunov M. B. Tkhagapsoev H. G.* Kul'tura kriticheskogo diskursa v vysshem obrazovanii i nauke [Culture of critical discourse in higher education and science]. Higher education in Russia. 2018. No. 7. Pp. 20–27.
18. *Tkhagapsoev Kh. G.* Etно-etatizm kak inobytiye rossiyskogo federalizma [Ethno-etatism as a different existence of Russian federalism]. Scientific Thought of the Caucasus, 2002. No. 3. Pp. 9–17.
19. *Barkov F. A., Tkhagapsoev H. G., Chernous V. V.* Etnosy v global'nom mire. [Ethnoi in the global world]. Rostov-on-Don, Southern Federal University, 2009, 162 p.
20. *Tkhagapsoev Kh. G.* Kavkazskaya kul'tura: osobennosti genezisa i tendentsii razvitiya. [Caucasian culture: features of genesis and development trends]. SPb, ed. «Asterion», 2008. 222 p.

Submitted 08.02.2023; approved after reviewing 16.02.2023; accepted for publication 20.02.2023.

About the author:

Khazhismel Gisovich Tkhagapsoev, Doctor of Philosophy, Professor of the Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov (173, Chernyshevsky st., Nalchik, 360004, Kabardino-Balkarian Republic), ORCID 0000-0001-5778-5265, SPIN 9020-2220, gapsara@rambler.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.